

Вода содержала особые вещества, которые мягко облегчали боль человека с разорванными меридианами. Чао Минь склонился, чтобы осмотреть состояние тела Е Юя. Молодой человек лежал без единого кусочка одежды, его белоснежное, словно яшма, тело выглядело невероятно чистым в тёплой воде источника. Рана на его груди уже зажила, благодаря непрерывному лечению лекарствами шрам постепенно стал светлеть и исчезать. После некоторого времени ухода он полностью восстановится.

Сложнее было с разорванными меридианами внутри тела Е Юя. Даже если их восстановить, останутся скрытые травмы. Чао Минь мог лишь погрузить его в источник, чтобы тело постепенно восстанавливалось, и только когда состояние стабилизируется, он сможет помочь ему соединить меридианы.

Они провели в источнике уже десять дней и ночей, и Е Юй наконец начал приходить в себя после состояния, близкого к смерти.

Рядом с источником стоял низкий стол, на котором лежали различные странные предметы.

— Серебряный лунный нож, — тихо пробормотал Чао Минь, лёгким движением пальцев подняв маленький инструмент с подноса на столе.

Ему даже не нужно было смотреть, чтобы точно знать, где именно повреждены меридианы Е Юя. Когда меридианы молодого человека разрывались, он крепко держал его в объятиях, и каждый звук разрыва меридианов в этом молодом теле отчётливо доносился до его ушей.

Инструмент, который он держал в руке, был взят из Павильона Десяти Тысяч Лун и считался самым совершенным инструментом для восстановления меридианов.

Перед тем как опустить нож на кожу Е Юя, Чао Минь на мгновение заколебался. Е Юй сейчас находился в состоянии, из которого не мог пробудиться. Чтобы предотвратить его пробуждение от боли и возможные попытки сопротивления, Чао Минь применил технику «Запутывания души», погрузив Е Юя в бесконечный сон.

Этот сон мог длиться бесконечно, и до тех пор, пока Чао Минь не пожелает, чтобы молодой человек проснулся, он будет спать вечно.

Волосы Чао Миня, мокрые от воды, рассыпались по спине. Нож в его руке замер на мгновение, прежде чем он отвёл его в сторону. Его веки полуприкрыты, а густые ресницы отбрасывали лёгкую тень на лицо. Техника «Запутывания души» могла удерживать сознание Е Юя, но не могла блокировать боль. Конечно, он мог бы глубже проникнуть в его разум, но это легко могло превратить его в слабоумного.

Этот мужчина и так был достаточно глуп, и Чао Минь вовсе не хотел, чтобы он становился ещё глупее.

Заботиться о том, испытывает ли боец боль, внезапно показалось Чао Миню смешным. Нож в его пальцах без колебаний опустился, и звук разрезаемой плоти отчётливо раздался в тишине. Тело Е Юя резко дёрнулось, а на его обычно спокойном лице появилось выражение мучительной боли.

Чао Минь на мгновение остановился, тень под его глазами стала ещё гуще, а в глубине его чёрных, безжизненных глаз вновь начал распространяться устрашающий красный цвет. Он закрыл глаза, а когда снова открыл их, красный цвет исчез. Он продолжил работу, а кончики его пальцев начали излучать золотистые световые следы, которые плотно обвили нож. Золотой свет, касаясь тела Е Юя, автоматически блокировал его болевые ощущения.

Какой-то лишний. Чао Минь восстанавливал разорванные меридианы Е Юя.

Какой-то лишний человек. Его руки не останавливались, используя свою истинную энергию, чтобы направлять энергию Е Юя, заставляя меридианы восстанавливаться самостоятельно.

Какой-то лишний дурак, который не должен был жить. Чао Минь начал зашивать раны, делая это с нежной заботой.

Доставить Е Юя к Вратам Куньлунь, убить его самым мучительным способом перед входом, извлечь свою силу и слиться с ней, а затем начать кровавую резню в Вратах Куньлунь — это был план, который он не должен был менять. Но когда Е Юй прыгнул с утёса, крепко держа его за руку, его разум вдруг опустел, и все планы развеялись, оставив только ярость, сжигающую изнутри, ярость, которая требовала убийства.

Даже «Сердечный закон Будды» не смог подавить вспыхнувшую в нём ярость. В тот момент у него была только одна мысль — убить Сюэ Жуна, который ранил Е Юя, и сделать это так, чтобы тот умер в муках.

Даже если он не убил Сюэ Жуна тогда, за эти десять дней глава мечей Врат Куньлунь не мог чувствовать себя спокойно, ведь техника «Запутывания души», наложенная на его ученика, продолжала мучить его. Если только Сюэ Жун не сможет заморозить своего ученика навсегда, он всегда будет находиться под угрозой убийства от рук своего же ученика.

Когда последний шов закрыл рану Е Юя, Чао Минь протянул палец и мягко провёл им по месту раны. Остатки крови прилипли к его пальцу, и холодная, потерявшая тепло кровь была такой же, как температура этого молодого человека, — холод, готовый в любой момент превратиться в смерть.

Е Юй продолжал спать, его лицо выражало безмятежную невинность, словно он не понимал, что уже десятки раз стоял на пороге ада. Его стройное мужское тело выглядело молодым и изящным, спокойно раскинувшись в тёплой воде источника.

Чао Минь с бесстрастным выражением лица протянул руку и остановил её между бровей Е Юя.

Золотистый свет там становился всё ярче — это был признак созревания Семени. Когда Семя расцветёт, Е Юй умрёт, даже если Чао Минь не приложит к этому руку.

Неосознанно его пальцы спустились вниз — к носу, губам, и наконец остановились на груди Е Юя. Чао Минь чувствовал его сердцебиение, которое уже не было слабым и беспомощным. Сердце Е Юя билось, передавая свои удары в ладонь Чао Миня. Не понимая, он протянул другую руку и прикоснулся к своей груди, обнаружив, что его собственное сердце начало биться быстрее. Незнакомое чувство окутало его сердце, заставляя глубоко вдохнуть, чтобы не задохнуться.

Откуда это чувство? Чао Минь смущённо нахмурился, размышляя, и его обычно холодное выражение лица стало неожиданно мягким, создавая обманчивое впечатление доброты.

Но его тело постепенно нагревалось, и желание, более горячее, чем вода источника, начало бурлить внутри него. Это было не похоже на радость от убийства, не на тепло, которое он чувствовал, окружённый кровью. Это было желание поглотить, завладеть, разорвать этого тяжело раненого молодого человека на куски и заполнить им ту странную, безумную пустоту внутри себя.

Каждый раз, когда его пальцы скользили по коже Е Юя, это возбуждение накапливалось, понемногу, пока не превратилось в подавляющее, огромное желание, знакомое и странное. Это желание не было привычной для него болью, а скорее своеобразной пыткой, словно все его нервы были захвачены какой-то зловещей жадой, ненасытной и неотступной.

Он попытался рационально проанализировать природу этого желания. У него было желание к этому мужчине...

Почему у нормального мужчины возникает желание к другому человеку?

Потому что он хочет обладать им?

Потому что хочет, чтобы тот покорился?

Или просто из-за неудовлетворённого желания?

Он знал, что его сексуальное влечение всегда было слабым, и никогда по-настоящему не испытывал ничего подобного. Он даже не знал, что это чувство, когда оно возникает, может быть настолько... пугающим.

Как это облегчить? Чао Минь начал лихорадочно вспоминать всё, что он когда-либо видел, все те годы, когда он бродил по миру, не проявляя интереса к подобным вещам. В то время он действительно не испытывал никаких чувств при виде обнажённых тел, сплетённых вместе. Ни соблазнительные сцены в лодках и борделях, ни насильственные акты в логовах разбойников

не вызывали у него ни малейшего интереса. Он даже считал такие вещи скучными.

Чао Минь попытался протянуть руку, кончики пальцев слегка коснулись поверхности воды, а под прозрачной водой было обнажённое, белоснежное тело Е Юя.

Пар поднимался вверх, обжигая его пальцы. Он не использовал никакой внутренней силы, чтобы защитить свою кожу, поэтому мог ясно чувствовать температуру воды, а также... как вода обтекала его пальцы, поднимаясь по тыльной стороне руки, запястью, пока он наконец не коснулся кожи Е Юя.

Лицо Чао Миня оставалось бесстрастным, словно он выполнял сложное упражнение в боевых искусствах. Осторожно он попытался положить руку на грудь Е Юя.

Легко, словно его руку что-то притянуло, нежная текстура кожи под ладонью передалась прямо в сердце, и это пламенное чувство стало ещё сильнее.

Выражение лица Чао Миня не изменилось, только ресницы слегка дрогнули.

Это было не похоже на тренировку любого из боевых искусств, здесь невозможно было сохранять спокойствие и анализировать. На лбу появился лёгкий пот, а пальцы, словно обладая собственной волей, уже начали скользить по шее Е Юя, затем по линиям его тела к животу, где Семя лежало в ожидании. Он мог легко почувствовать пульсацию демонической энергии.

Но это не могло по-настоящему привлечь его внимание. Его рука уже непроизвольно опустилась ниже, достигнув области между ног Е Юя.

И тут Чао Минь замер, тело полностью напряглось. Он вдруг перестал понимать, что делать дальше.

<http://bllate.org/book/15304/1352602>